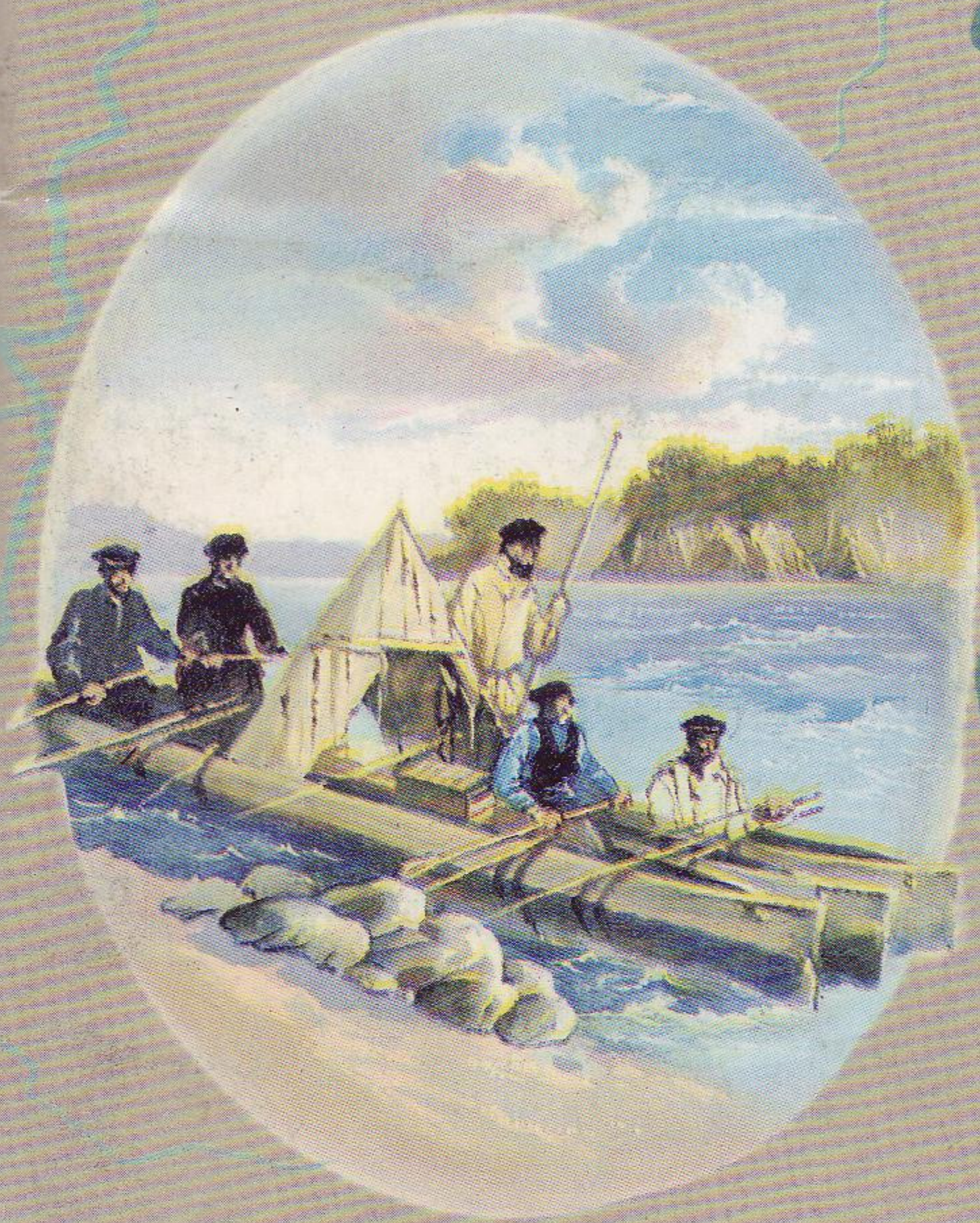
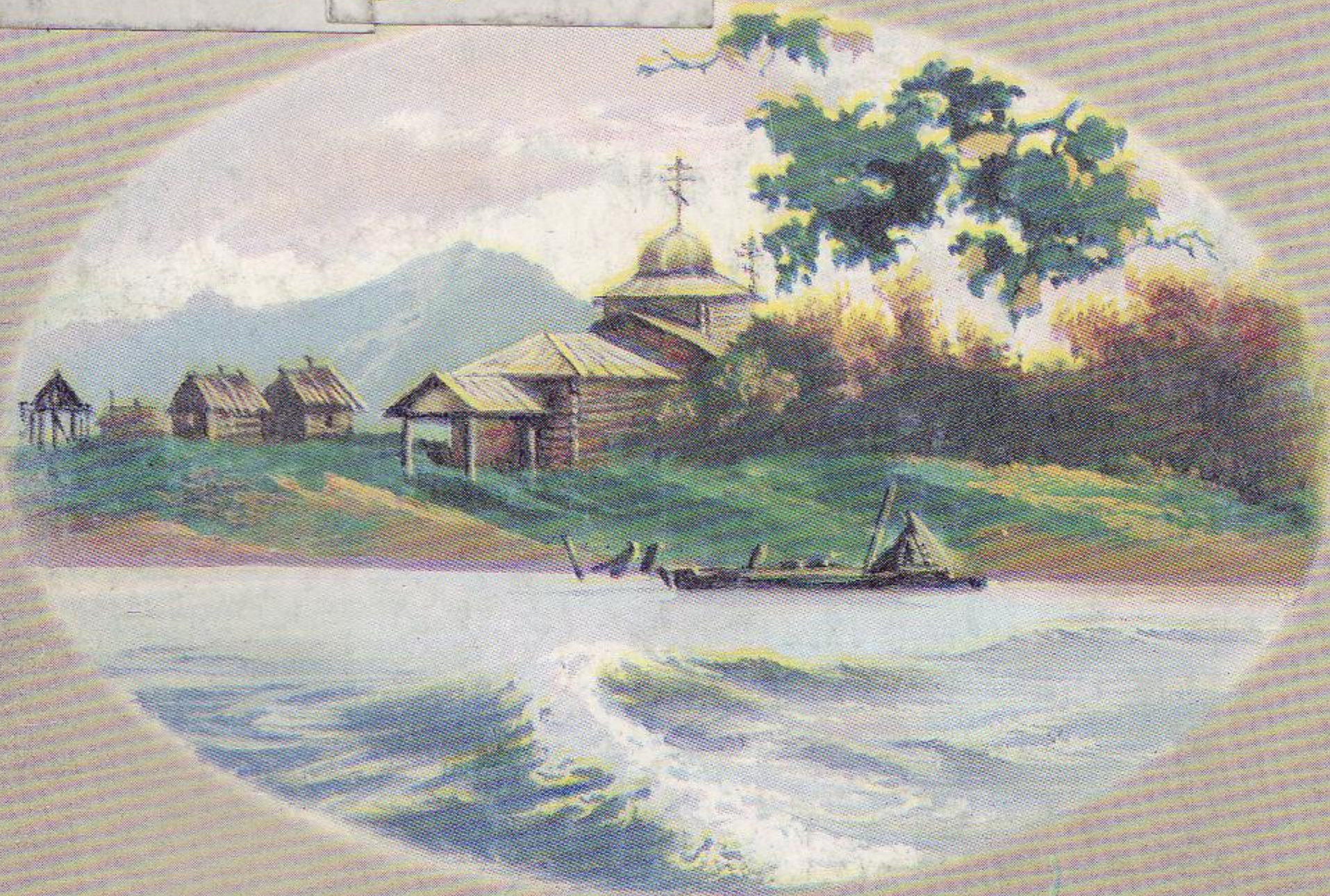

63.3(2Р-4КАМЧ)

Б 82

В. И. БОРИСОВ
ПОЙДЕМ
НЫНЄ
ПО СВОЕМУ
ОТЕЧЕСТВУ

Общественный фонд изучения Камчатки и развития коренного
малочисленного населения полуострова

В. И. БОРИСОВ

ПОЙДЕМ НЫНЕ ПО СВОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ

Сборник
историко-краеведческих статей

Выпуск № 3

г. Петропавловск-Камчатский

2005 г.

Л. И. Рикорд
ОТЪЕЗД В КАМЧАТКУ
(ВОСПОМИНАНИЯ)

Прошло четыре месяца после моего замужества. Муж мой, Петр Иванович Рикорд, с производством в чин флота капитана 1-го ранга, назначен был начальником Камчатской области сроком на пять лет, кроме проезда туда и обратно, на что требовалось более полуторагодового времени 1817-го года 16-го февраля, на Васильевском острове, по 14-й линии за Малым проспектом, уложивши все свои имущество в просторную рогожную кибитку, мы с мужем уселись в ней и тройка удалая с колокольчиком из Валдая, с веселым ямщиком, быстро помчала нас к заставе, где, простившись с друзьями, нас провожавшими, мы пустились по московскому тракту, по ухабистой дороге. Кибитку нашу бросало

во все стороны и нередко выбрасывало нас из нее в снеговые сугробы. При такой беспокойной езде, мы ехали день и ночь до Москвы, где пробыв одну неделю, снова в той же кибитке поехали далее по сибирскому тракту к Иркутску. Ночлеги имели только по городам. 24-го марта, накануне св. Пасхи, мы въехали в Томск, на расстоянии от Петербурга в 4052 1/2 версты.

В Томске, радушный прием губернатора г. Ильячевского, и его супруги сохранится навсегда в моей памяти с благодарностью. Заботливость их доставить нам, утомленным мучительным путем, покойное помещение и всевозможные увеселения по случаю праздника Светлой недели, все выказывало их образованность, доброту души и сочувствие к заезжим, у которых сердца томились тоскою по родным и родине, особенно в такие торжественные дни, каким почитаются дни святой Пасхи. В конце Фоминой недели мы оставили, не без сожаления Томск, и в полуоткрытом, без рессор, тарантасе, по дороге, еще не совсем просохшей, мы двинулись в дальнейший путь. Трава стала показываться, лес начинал распускаться и на обширных полях красовались группами развесистые березы огромной высоты; на ветвях их сидели стаи куропаток и тетеревей; вообще места были приятные для глаз, но безлюдные и пустынные. Дикие козы часто перебегали через нашу дорогу. Таким путем безостановочно проехали мы 1500 верст и остановились на берегу реки Ангары. В сторону от дороги нашей виден был мужской монастырь Иннокентия, с красивою церковью и каменными зданиями; мы туда отправились, чтобы приложиться к мощам. Возвратившись оттуда, взошли на паром, который и перевез нас через реку Ангару, необыкновенно быструю, с прозрачностью, чистою водою; мы сошли с парома на пристань у каменных триумфальных ворот, роскошно и красиво устроенных при въезде в столицу Сибири Иркутск, где, по делам службы мужа моего, остались более месяца. Город этот довольно обширный, есть каменные двухэтажные дома, но большая часть одноэтажных деревянных.

Высшее общество, в которое я должна была с мужем явиться, состояло из чиновников и их семейств, было в заметном подобоострастии к первенствующим лицам; своеобразие в приличиях и действиях не мало меня поразило.

Из Иркутска до Якутска расстояние до 3000 верст нужно было плыть по величественной реке Лене, на простого устройства барке с весьма незатейливым помещением. Выбирать было не из чего: эта барка была единственным судном для пользования проезжающих по реке Лене, и местное ее название было павозок; перебравшись на нее, мы нашли помещение свое довольно сносным и 14-ти дневное плавание наше по ней составляло самое приятнейшее из всех наших разнообразных путешествий. Берега реки Лены вычурно-красивы; сплошной крутой берег изредка прерывается низменностями; высокие каменистые скалы с поросшим на них густым лесом выказывают фантастическую причудливость в подобию: то представляются вид руин, то высоких стен и башен, и тому подобных видов; а по извилистому течению реки виды, как картины волшебного фонаря, сменялись ежечасно, что составляло для меня увлекательное зрелище. Я почти не сходила с палубы барки, и на протяжении трех тысяч верст этого пути мы видели только два небольших уездных городка, у которых приостанавливались на короткое время.

27-го мая, в теплый праздничный день, по четырнадцатидневном плавании, павозок наш остановился у правого берега реки Лены, на котором красовался город

Якутск. Здесь ширина Лены, как мне сказали, доходит до 15-ти верст. Берег реки был усеян народом, все обозначало праздничное гулянье и ожидание прибытия первого военного судна; городская полиция и сам начальник Якутской области, г. Меницкий, с семейством стояли на берегу, будучи дружески знаком, с моим мужем. Когда перекинута была с береговой пристани на наше судно обитая красным сукном дощатая половица, то г. Меницкий приблизился к нам, радостно обнялся и поздоровался с моим мужем, и потом, взяв за руки его и меня ввел на парадную перекладину... но вдруг, моментально, она под нами переломилась пополам и мы все полетели в реку в глубину до трех саженей!.. С этой минуты я более себя не помнила, и, очнувшись, увидела, что нахожусь в коляске кутанная, в чужем платье и салопье; в таком виде меня привезли в дом начальника, где были приняты все меры, чтобы меня успокоить и уложить в постель. На другой день я была уже на ногах; тогда пересказали мне о всей опасности нашего падения, об удивительном и отважном действии жителей и полиции для нашего спасения. В дружеском к нам семействе г. Меницкого мы прибыли в Якутск, в приятном времени провождении, более двух недель которое потребовалось для приготовления на необычный, в 1500 верст, переезд, верхом на лошадях; багаж наш увязывали в тюки, обшивали кожей, связывали ремнями, чтобы перекладывать их через спину лошадей; для такого переезда нам понадобилось около ста лошадей. Для всех были готовы лошади с казацкими седлами: дамское седло не годилось для такой дороги.

На загородную площадь, где все было готово к отправке нас и нашего имущества, мы приехали из города в коляске; казаки рассадили нас на оседланных коней и в сопровождении их одна лошадь за другой, потянулись вперед. Здесь не было того, что называем мы дорогою: по выбитым в разных направлениях тропам брели лошади по своей воле. Таким же неудобным путем производилось снабжение и продовольствие двух областей, Камчатской и Охотской. Нам сопутствовал негодичант американец г. Пиготь; при мне была моя горничная. Когда нас на площади рассадили на лошадей, то надели на наши головы что-то в роде фонаря, сшитого из прозрачной ткани, вытканной из конского волоса, нарочито для сего употребляемой для защиты от комаров; кроме того, дали еще в руки по махалке из конских волос, чтобы отмахиваться от этих кусливых насекомых, наполняющих воздух и не дающих ни днем, ни ночью покоя. В таких донкишотских костюмах мы путались по тропинкам, подвергаясь ежечасным опасностям. Этот наш ужасный переезд окончился в городе Охотске, у самого Восточного океана. Яблоновский хребет, растянутый на 800 верст, загромождает это пространство вязкими болотами, местами усыпанными крупными камнями, быстрыми реками, чрез которые я переплывала будучи опоясана поясом, концы которого по обеим сторонам возле меня держали казаки; лошадь плыла, а я крепко держалась за ее гриву. Переплывши на другой берег, остановились, сняли с себя все мокрое и, переодевшись в сухое, снова пустилась в путь. Во весь переезд я не видела ни одного жилья. Служащим вместо станций, земляным юртам с дымными очагами, даже и в дождливую погоду, мы предпочитали палатку, которая была с нами. Перебиралась через знаменитый Яблонов хребет, мы приостановились на высочайшей из его гор под названием Юниконь, по измерению геологов до 6,000 футов высоты. Мы сошли с лошадей. Величественный и ужасающий вид был перед глазами моими! Весь горизонт застилали густые облака, сквозь которых

высунувшиеся вершины гор казались островами этого облачного моря. Небольшая площадка, на которой мы остановились, была вершиною горы Юникона, где вместо зеленой травы, черный густой мох застилал крупные камни. Ни птицы, ни червя, и даже ни одного комара!

Вид этой величественной и вместе грустной, ужасающей пустыни навсегда впечатлелся в моем воображении. Мы оставались более часу в этом вышеоблачном месте, и к концу дня спустились на низменность, оставя все горы за собою. Двадцатидневный путь свой верховой езды мы окончили в самом городе Охотске, где остались ожидать прибытия казенного судна, чтобы на нем отправиться к полуострову Камчатке, в Петропавловский порт.

Охотск стоит на низменном берегу океана. Постройки в городе весьма бедные, климат самый суровый: в июле еще топят печи; постоянный шум от высоко вздымающихся на берег волн, не умолкающий ни днем, ни ночью, не давал мне спать и я от тоски заливалась слезами.

Из Охотска на двухмачтовом военном бриге мы, довольно благополучно выдержавши несколько порядочных бурь, в 25 дней проплыли более 3000 верст и 25-го августа вышли на берег полуострова Камчатки. Петропавловский порт, назначенный для пребывания начальства, находится между двух высоких и длинно протянувшихся гор, в ущельи коих стояла низенькая убогая церковь; близ нея не более 50-ти хижин с травяными крышами (там нет соломы), без дворов, без ворот и пристроек, без улиц; постройки в беспорядочном виде разбросаны были по берегу гавани, составляя городское заселение; казенные здания более нежели в скромном виде выказывались.

Нас проводили в дом, назначенный для начальника области. Взошедши туда с мужем моим, мы нашли четыре небольшие комнаты; стол и стулья простого дерева составляли весьма скудную обстановку назначенного для нас жилища. Но всего грустнее для меня было то, что в оконных рамах небольшого размера не было стекол, а вместо их вставлена слюда, кусочками сшитая. Свет через слюду в комнату проникал тускло, а вид через окна был неясный. Дом этот стоял на косогоре, близ морского берега, и в тихой воде гавани отражались, как в зеркале, вершина дымящейся Авачинской сопки и хижины городского селения на берегу. Воды здешнего океана изобилуют разного рода рыбою, морскими зверями и, между прочим, китами; я часто выходила на морской берег, любуясь плывущим густым стадом крупных рыб, величиною до двух аршин; они одна за другую толкали, выбираясь из тесного стада. Порода тамошних рыб походит на осетров и прочих крупных краснотелых пород, весьма вкусная и жирная; мелкая рыба, похожая на сельдей, появляется густыми стадами, и тогда-то кит, открыв пасть, захватывает массами эту рыбу. Нередко, сидя в своей комнате у окна, я вздрагивала, когда кит, подплыв, выбрасывал фонтан воды из высунувшейся головы и, страшно фыркнув, проворно уходил прочь.

В одно лето, жители известили мужа моего, что мертвый кит выброшен на берег моря в пяти верстах расстояния от нашего жилища. Я не хотела отстать от компании, которая состоялась для поездки к киту, и рано утром мы туда отправились верхом. Небольшой этот переезд был соединен с значительным затруднением и неудобством: трудно было пробираться по местности, где не было никакого путевого сообщения; при нас было четыре солдата с заряженными ружьями, для обстреливания нашего шествия от нападения медведей, которые в

значительном числе везде разгуливали и собирались на ночную работу около кита: обрывать с него жир. Шесть человек тащили легонький, из коры березовый сшитый, челночек, чтобы переплывать быстрые, узенькие речушки; кроме того, они несли за плечами палатку, самовар и провизию, два солдата были с топорами, чтобы устраивать мосточки и застилать ручьи.

На этом пятиверстном расстоянии мы переплыли в челноке, по одному человеку вмещавшем, две речки, осторожно переходили по сделанным тогда же перекладинам через быстрые ручьи; пробирались по тундрам, поросшим такою высокою травою, что я, сидя на лошади, должна была руками отбрасывать голову опутывающие травяные стебли, удивляли меня своим роскошным ростом.

Каждые полчаса, солдаты отстреливались от медведей, а большая часть дороги нашей была не более, как вытоптанные ими тропинки. Наконец, после шестичасовой езды, мы выбрались на простор и свободно вздохнули, увидя перед собою сливающийся с небом океан и спустившись на низменный его берег. Пройдя не более ста шагов, мы были остановлены значительною возвышенностью, закрывшею от нас и море и горизонт, похожею на земляной вал или насыпь. Это лежал мертвый кит, волнами моря выброшенный на песчаный берег! Объем этого морского чудовища не легко было окинуть глазами. Кит этот был в длину 12 сажень. Меня поразили его огромность и безобразие! У него все тело покрыто короткою, серого цвета, щетиною, которая лоснится от проникавшего через тонкую кожу жира. С помощью провожатого поднялась я с хвоста на спину и прошла по ровной спине кита 48 шагов. Я ступила по нем, как-бы по туго набитой подушке; ноги скользили и вдавливались в его мягкое тело, которое нисколько не было испорчено и не имело никакого запаха. Пройдя два раза по ровной поверхности спины, я спустилась к голове и в отверстие на ней, — из которого он выбрасывает фонтан воды сажень до трех высотой, — я опустила палку длиною до трех аршин, нарочито для этого изготовленную, которая и ушла вся туда. По обеим сторонам головы кита лежали длинные (более трех сажень) усы его — эти черного цвета, более трех вершков толщиною, доски; по краям их висели, как бахрома, издерганные временем края усов; кит лежал спиною вверх; от головы я прошла еще раз по спине и спустилась с хвоста.

Выкинутый кит составил для тамошнего бедного края Богом данную манну. Такие случаи бывают очень редки: во все семилетнее наше пребывание там, это случилось только один раз; поэтому со всего полуострова Камчатки собрались жители с женами и детьми. Все население торжественно пировало, пустыня кипела людьми всех возрастов, разводили огни, в котлах кипел жир, и жители, засыпав его мукою или крупкою, аппетитно кушали такую своеобразную похлебку. Дети бегали с кусками белого жира в руках и смоктали их с большим удовольствием. Множество собак, которые заменяют там лошадей, обрывали у кита с боков кожу с жиром. По виду китовый жир походит на свиной: он очень белого цвета; но вкус его неприятен.

Работа около кита кипела. Приехавшие за добычею взбирались на спину кита и вырезывали квадратные куски жира величиною с аршин; и такой-то величины кусками изрезывалась спина в глубину на три яруса! И все это был чистый белый, плотный жир, а затем уже оставалась жидкая внутренность, в которую рабочие остерегались попасть. Чтоб не соскользнуть, они опоясывали себя веревками и опускались по лестнице, чтоб не утонуть в внутренности кита. Работали весело и

ревностно. Каждый нарезывал себе сколько мог кусков; но чтобы всего кита убрать, у них к тому не было средств. Иностранцы-китоловы вытапливают жиру с одного такого кита более 250 бочек. Неуклюжее это животное терпит от преследований других мелких морских зверьков, которые вырывают у него для своего лакомства язык в тот момент, когда кит растворяет свою огромную пасть, чтоб схватить мелкую рыбу для своей пищи. Камчадалы сказывали, что и этот кит был без языка.

Работа над китом продолжалась более месяца; жители были вполне осчастливлены этою легкою и богатою добычею и благодарили за то Бога.

День склонялся к вечеру, а потому мы, оставшись совершенно довольны своим зрелищем, возвратились тем же путем домой.

Примечание. Довольно значительной величины китовые усы находятся в Стрельне у дворца Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича. Усы эти представлены мною Его Высочеству, во исполнение завещания покойного моего мужа, после его смерти. Они и теперь стоят там в саду, близ дворца у гимнастики для детей.